

Czas w kulturze rosyjskiej Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Czas w kulturze rosyjskiej
Время в русской культуре

Seria Antropologia Kultury Rosyjskiej
pod red. Andrzeja Dudka

Dotychczas ukazały się:

Rosyjskie dzieciństwo. Русское детство, pod redakcją Katarzyny Dudy i Andrzeja Dudka, Kraków 2015

Katarzyna Anna Duda, *Szkice o prozie rosyjskiej XXI wieku. Ulicka, Szyszkina, Pilewin, Minajew, Sienczyn, Kuricyn, Starobiniec...*, Kraków 2017

Czas w kulturze rosyjskiej

Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Kraków 2019

© Copyright by individual authors, 2019

Recenzenci:

prof. dr hab. Tereza Obolevich (SBDNP)

prof. dr hab. Anna Woźniak

prof. dr hab. Joachim Diec

prof. dr hab. Zbigniew Greń

Redakcja

Helena Piecuch, Magdalena Romanowska

Koncepcja okładki

Marta Dudek

Opracowanie graficzne

Paweł Sepielak

ISBN 978-83-8138-138-3

DOI <https://doi.org/10.12797/9788381381383>

Publikacja dofinansowana przez Wydział Studiów Międzynarodowych i Politycznych
Uniwersytetu Jagiellońskiego

KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel./faks: 12 431 27 43, 12 421 13 87

e-mail: akademicka@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: www.akademicka.pl

Spis treści. Содержание

Andrzej Dudek , Czas w kulturze rosyjskiej. Uwagi wstępne.....	9
---	---

CZAS W JĘZYKU. JĘZYK W CZASIE ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ. ЯЗЫК ВО ВРЕМЕНИ

Ewa Komorowska , Frazeologizmy z wykładnikiem <i>время</i> w języku rosyjskim.....	23
Алла Лихачева , Фактор времени в современном российском городском номинативном дизайне.....	41

SAKRALNE I MITOLOGICZNE RYTMY CZASU САКРАЛЬНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РИТМЫ ВРЕМЕНИ

Елена Левкиевская , Время земное и время мифологическое в русских мифологических нарративах.....	55
Hanna Kowalska-Stus , Пространственное восприятие времени в кругу византийской культуры.....	65
Józef Kuffel , Aspekty temporalne w <i>Żywocie św. Kiryła Biełozierskiego</i>	77
Anna Kościółek , Пост в жизни и творчестве Андрея Муравьева	89
Наталья Мариевская , Историческое и сакральное время в структуре современного российского фильма. Звягинцев – Сокуров – Балабанов	101
Małgorzata Abassy , Człowiek w czasie i czas w człowieku. Fenomen czasu w ujęciu Jewdokiji Marczenko – „Radasteja”	115

KONCEPTUALIZACJE CZASU W ROSYJSKIEJ MYŚLI TEOLOGICZNEJ I FILOZOFICZNEJ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Dymitr Romanowski , Александр Шмеман. <i>Sub specie aeternitatis</i>	133
Виктор Троицкий , Энантиодромия как обобщенная форма времени в русской культуре Серебряного века.....	149

Оксана Седых , Миг и вечность как антиномия: П.А. Флоренский и культура Серебряного века.....	157
Елена Тахо-Годи , Проблема времени в художественной прозе А.Ф. Лосева	171
Leszek Augustyn , Kultura transcendencji: czas egzystencjalny w ujęciu Mikołaja Bierdiajewa	181
Marta Lechowska , Маскарад как бегство от самого себя. Рассуждения Федора Степуна о человеке, времени и вечности	195
Roman Mnich , Проблема времени в философском литературоведении Дмитрия Чижевского	203

KULTUROZNAWCZE I HISTORYCZNE KONCEPTUALIZACJE CZASU КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Ирина Колесник , Категория времени в науке и культуре: рефлексии историка	217
Ирина Едошина , Эпоха <i>fin de siècle</i> : культурфилософские очертания	233
Александр Турыгин , Теория „переломного времени” Райнхарта Козеллека: возможности применения в изучении российской истории XVIII в.	249

CZAS JAKO ASPEKT ŻYCIA SPOŁECZNEGO ВРЕМЯ КАК АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Елена Самойлова , Локальные маркеры времени в традиционной культуре поморов XIX-XX вв.	265
Валентина Веремченко , Ощущение времени в концепте передовой педагогики в России в начале XX века	275
Ирина Синова , Революция 1917 года в России как фактор времени в контексте ретрансляции на повседневную жизнь	287
Алла Сальникова , „До” и „после”: репрезентация времени в детских автобиографических нарративах первого советского десятилетия	297
Татьяна Рюткина , Трансформация понятий „раньше” и „теперь” в народной памяти (по материалам „устной истории”)	307
Ильнара Ханипова , Реалии нового советского времени в деревне татарской АССР и их отражение в национальной литературе 1920-1930-х гг.	317
Kinga Nędza-Sikoniowska , „Czasie, naprzód!” Chronometraż w zakładzie pracy, w radzieckim społeczeństwie, w nowej rodzinie.....	331
Stanisław Fiszer , Концептуализация социального и исторического времени в позднем творчестве Александра Зиновьева	347
Иван Радиков , Проблема баланса потоков политического времени в развитии российского общества	355
Marian Broda , Paradoxy teorii rosyjskiej (nie)współczesności? Iwana Jesaulowa koncepcja mitologicznej dominanty w strukturach postsowieckiej codzienności	367

Anna Kadykało , Забыть Афган? Нет, невозможно. Об эволюции восприятия советско-афганской войны (1979-1989) в общественном сознании россиян и в российском политическом дискурсе	379
--	-----

TEMPORALNE ASPEKTY LITERACKIEGO OBRAZU ŚWIATA ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Василий Щукин , Художественные модели времени в русской литературе XIX века (на материале избранных произведений классиков)	395
Михаил Строганов , Одолеть пространство временем. Время в русском тревелогe XIX века	405
Константин Баршт , Время и Апокалипсис в произведениях Ф.М. Достоевского	413
Magdalena Dąbrowska , Wiersz Michała Murawjowa <i>Noc</i> – tekst i konteksty	433
Елена Созина , Время и место. Феномен восьмидесятилетия и его рефлексии: М.Н. Альбов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.П. Чехов	443
Евгения Строганова , Тюремно-каторжные тексты И.П. Ювачева: особенности восприятия и репрезентации времени	455
Светлана Титаренко , Идея вечного возвращения Фридриха Ницше в поэзии русского символизма	465
Izabella Malej , „Жизнь и смерть в круженье вечном”. О metamorfozach czasu w twórczości Aleksandra Błoka	479
Йозеф Догнал , Роль времени в повести А.М. Ремизова <i>Часы</i>	495
Andrzej Dudek , Между мгновением и вечностью. Временные аспекты картины мира в творчестве Дмитрия Мережковского	505
Iwona Krycka-Michnowska , Wobec przemijania. <i>Jegor Bułyczow i inni</i> Maksyma Gorkiego – próba (re)interpretacji	523
Monika Sidor , Czas historyczny i doświadczenie. Strategia opisu przeszłości w epopei <i>Czerwone Koło</i> Aleksandra Sołżenicyna	535
Kristina Vorontsova , Время как постмодернистская игра в повести Елены Шварц <i>Концерт для рецензий</i> : Гоголь, Довлатов и все-все-все	545
Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak , „Время для космоса болезнь, а для нас – древо жизни”. Метафизика времени в прозе Михаила Шишкина	557
Martyna Kowalska , Хаос времени – время хаоса. Роль и значение времени в современной российской драматургии	573
Bartłomiej Brządkiewicz , Потерянный во времени. Сюжетные сложности современной русской прозы. Выбранные примеры	591

Йозеф Догнал

г. Брно, Университет им. Масарика

г. Трнава, Университет им. св. Кирилла и Мефодия

Роль времени в повести А.М. Ремизова *Часы*¹

The Role of Time in A. Remizov's Story *The Clock* (*Часы*)

Abstract: The article examines the role of time in the story *The Clock* (*Часы*) by A. Remizov. It is supposed that the hero of the story Kuzma Klochkow differs from the other characters in that way, that he wants to take the responsibility for his life in his own hands. Being deprived by the fate (his nose is crooked), he tries *to live*, i.e. to overcome actively such a handicap. While identifying time and fate, seeing all his relatives and friends to head up to death passively, their family shop with clocks to be on the verge of bankruptcy, his activity concentrates on the clock on the church tower he is responsible for. He believes to overcome fate/death by taking control over "time". He succeeds in shifting the clock one hour forward. In that way he accomplishes (at least in his disordered mind) his task – he eliminates death for himself and finds his own world to live in. Concentrating on the theme of active attitude to man's life Remizov is close to the same theme in Russian literature at the very beginning of the 20th century.

Keywords: A. Remizov; *The Clock* (*Часы*); the theme of death; time; active attitude to life

Повесть *Часы*² А.М. Ремизова написана, как показывают даты, приводимые в 1911 году в томе *Сочинений*, изданном в издательстве „Шиповник“, в 1903–1904 годах, в самом начале его писательской карьеры, хотя она издавалась впервые только в 1908 году, после возвращения писателя из ссылки.

¹ Статья написана в рамках выполнения гранта KEGA 013UCM-4/2017 Vymedzovanie špecifik modelu „ruského sveta“ v ruskom jazyku, literatúre a kultúre.

² А.М. Ремизов, *Часы*, [в:] его же, *Сочинения*, т. 2, Санкт-Петербург 1911, с. 13–147. Все цитаты даются по этому тексту с указанием страницы в скобках (написание соответствует современной норме).

Начало 20-го века оказалось сложным не только для него одного, это ведь был важный этап во всей европейской культуре, русской тем более. Неудивительно, что сдвиги в общественном климате, затрагивающие каждого индивида, стали для многих писателей толчком для изображения того, как могут сложиться судьбы людей именно в такое время, когда тяжесть бытия ложилась на отдельного человека, на индивида больше, чем когда-либо.

Сюжет ремизовской повести прост: семья Клочковых, занимающаяся продажей часов в их собственном магазине, терпит крушение. С экономической точки зрения они разорились. Они не способны оплачивать долги, не доходный магазин описывают и вся семья должна резко менять уклад своей жизни. Ремизов изображает последний этап их разорения как своеобразный рубеж в их жизни, когда уже всем ясно, что прежняя жизнь утрачена и что впереди только что-то катастрофическое.

Именно этот рубеж в их жизнях, однако, представляет собой для Ремизова возможность устремить внимание на то, как персонажи повести такую обстановку принимают, что с ними творится в тот отрезок времени, когда всем стало понятно, что прежняя жизнь кончена, а будущую они могут только представлять.

Временные рамки повествования включают именно период, когда коренная ломка в их жизни неизбежна, но она пока в будущем. Ограничено по сути дела и пространство – это дом Клочковых, включающий и их магазин, улицы города, Соборная колокольня, квартира Нелидова. Тут, однако, появляется специфическая существенная разнородность изображаемых времени и пространства: рамки пространства можно раздвинуть, его ограниченность можно преодолеть. Так муж главной героини, Сергей, уезжает „в мир”, бежит от проблем и от кредиторов, от банка, от ситуации, которую отчасти он сам создал, в конце текста уезжают Митя и Рая, покидая и дом, и город с надеждой устроить новую жизнь в Петербурге, куда-то уходит мастер из магазина.

Иначе обстоит дело с временем – из него нельзя уйти никому. Как раз время становится основным фактором, на который устремлено внимание писателя. Не случайно ведь Клочковы владеют магазином, где продаются часы. Их соприкосновение с временем более интимно, они же владеют часами, которые помогают им и их заказчикам определять и мерить время, т. е. время дает им заработок, оно в определенной мере служит для них основой их существования. Оно дает им даже своеобразную возможность определять ритм жизни города, так как они в ответе за часы на Соборной колокольне. Но именно в тот короткий период, изображаемый в повести, время становится не посредником заработка, не составной частью благополучия всей

семьи, а враждебной силой. Наиболее полно это отражается в поведении подрастающего парня, главного героя повести, Кости Клочкова. Именно в его случае противоположность двух планов соприкосновения с временем очевидна с самого начала повести: Он вправе заводить часы на Соборной колокольне, знаком чего являются ключи. Служба часам и времени сталкивается у него с пассивным по своей сути подчинением времени-судьбе: он ведь предопределен на всю жизнь тем, что у него „нос кривой”, за что его постоянно высмеивают. Как раз в момент, когда в течение очередного преследования мальчишками в него ударил брошенный камень и когда он упал и думал, что умер, проявляется это противоречие в полной силе: „Для чего тебе часы заводить? – чтобы шли? – не останавливались? Шли ровно и скучно от часа до часа. А тебя щиплют. У тебя нос кривой. Но дело не в этом. Вообще-то зачем жить?” (17). Постановка экзистенциального в своем глубинном значении вопроса представляет собой коренную ломку в понимании времени и в его изображении в повести. Время как категория мировой жизни, как категория линейно „движущегося” безличного космического времени, которое ни от чего не зависит и которое можно только мерить, зарабатывать на продаже часов, меняется в сугубо личную категорию персонального времени круговой структуры: от небытия через бытие в небытие. Человек, индивид – это в таком понимании времени лишь игрушка в руках у времени. Косте это трудно принять, он не хочет с этим мириться и поэтому он спрашивает у отца „[...] есть ли такая книга, где бы все было написано, чтобы вся жизнь там была написана: как жить и как управлять жизнью?” (34). В этом вопросе ясно сформулирована мечта Кости, быть активным, создавать свою жизнь, быть ее господином – он ведь не хочет только жить, а именно управлять жизнью. Костя таким образом сосредотачивает свое внимание не на времени (им он не хочет управлять), даже не на времени своей жизни, а на содержании отведенного ему лично времени, на том, как жить по-своему, быть активным создателем своей жизни.

Как раз осознание Костей этого неразрешимого противоречия пассивного выполнения предначертанной судьбы и активного воздействия на нее определяет все дальнейшее изображение времени и событий в нем происходящих: линейное течение безразличного к его жизни времени сопоставляется с не линейно, а кругообразно проходящей жизнью человека, с неизменной предопределенностью, делающей индивида рабом у времени – судьбы. В тексте с таким противоречием можно столкнуться уже тогда, когда Костя смотрит на часы на колокольне, которые „[...] тикали – тяжело ходили и медленно переворачивались с боку на бок, отдавались на волю Божью, ибо конца не видели. Не было им конца, не было силы остановить раз навсегда назначен-

ный ход” (20). Конец, наоборот, виден во всем, что Костю окружает: его отец и Катя ждут смерти, заканчивается существование их магазина, в прошлое уходит спокойная, беспечная жизнь всей семьи, причем на ход этих событий ему и другим персонажам повести нельзя активно повлиять, они имеют характер роковых событий.

Наблюдение над часами и над его службой по отношению к времени возбуждает в Косте и сознание того, что он – живой человек, что он не хочет служить без конца, поддаваться раз навсегда назначенному ходу – он ведь хочет жить, он хочет надеяться на то, что однажды проснется, и у него будет нормальный нос, а не тот, которым он обладает в настоящее время (по решению судьбы, а не по его собственному решению), кривой. Он, Костя Клочков, не машинально работающий часовой механизм, он живой человек, у него и желания, и мечты, и воля. Костя и в разговоре с Нелидовым, но и сам по себе, додумался до того что „[...] время с его часами владеет жизнью [...] все от него – все терзания и муки жизни” (129). Костя возводит эту мысль во всеобщий закон, который в тексте повести имеет определяющее место. Все внешние судьбы и раздумья персонажей в повести включают именно эту идею: человек не является господином своей жизни, он в плену у времени, у судьбы. Время/судьба определяет все, что с ними творится – переменить предопределенную трагическую судьбу человек неспособен. Его активное вмешательство в дело судьбы не предполагается, надо судьбу принять, подчиниться ей, не противиться, так как сопротивляться не имеет никакого смысла. Каждого ждет смерть, надо, значит, ждать ее прихода. Ничего нельзя изменить, все предназначено – ожидается пассивное принятие судьбы и описание индивидуально предназначенного круга, который, однако, приводит всегда к тому же концу. Смерть всех высмеивает – обезьянью морда, которую видит во сне Нелидов, как будто символизирует насмешку смерти над беспомощным, смерти и ее прихотям полностью подчиненным человеком.

Образ смерти (ее же внимают и насмерть больная Катя и сам Костя как призрак, находящийся в их близости) свидетельствует, однако, о том, что не время само по себе, а именно по отношению к субъекту/личности трактованное время, воспринимаемое как угроза конечности индивидуального человеческого бытия, которой нельзя не подчиниться, является тем врагом, с которым сталкиваются персонажи повести. Машинальный ход времени для них тождественен приближению смерти, неумолимому концу их существования.

Роль часов в тексте подчеркивается недаром – они являются конкретизацией времени, они – посредник между безликим временем как категорией и

более наглядным течением времени – движением механизма часов, его стрелок. Они время опредмечивают, делают его человеку уловимым, „видным” и, таким образом, как будто понятным. Часы становятся для Кости посредником-противником: „[...] от этого железного чудовища зависела его судьба, судьба земли и всего мира”. Подобно тому и часы, находящиеся рядом с Катей, напоминают ей и всем, что смерть приближается: „Неумолимо (выделил Й.Д.) ходили на стене старые невзрачные пыльные часы [...] и тикали маленькие Катины черные часы на тумбочке у кровати.” (39-40), ее часики, наконец, остановились в знак обреченности Кати на смерть. Время и делающие его наглядным часы в субъективном восприятии персонажей – это лишь своего рода метонимия, которую надо читать как смерть, конец личного существования – отсюда и боязнь смерти, ужас обреченности на смерть, отсюда определенный паралич, пассивное подчинение монотонному ходу часов-смерти.

Усмотрев – или скорее почувствовав – это, Костя берет на себя тоже роль посредника, но в обратном порядке. Он единственный обладает мужеством, он хочет жить, и поэтому решается посредством овладения часами овладеть временем:

Он может перевернуть весь мир и знает, как это сделать (20) [...] он убьет время – проклятое – убьет его с его часами и освободит себя, всю землю и весь мир. [...] если бы часов и совсем не было, времени не было, ни настоящего, ни прошедшего, ни будущего! [...] (129).

Думая о времени, он задумал убить смерть. Кажется, цель Кости – не устранить время, так как таким способом он остановил бы жизнь саму по себе, а овладеть временем, стать тем, кто определяет судьбу и свою, и мира. Поэтому он – посредник – направляет свое активное вмешательство в ход времени на другого посредника – на часы на Соборной колокольне. Намного проще было бы изменить ход любых часов в магазине, но он выбирает именно большие часы на колокольне, которые управляют жизнью в городе под ними, т. е., в его понимании, жизнью мира. Взобравшись на колокольню, Костя:

[...] изогнулся весь и, нечеловечески вытянув руку, дотронулся дрожащим железным прутком до большой часовой стрелки, зацепил стрелку и повел вперед, и вел ее, подводя часы на целый час вперед. Побежали за стрелкой минуты, не могли уже стать, не могли петь свою минутную песню, и бежали по кругу вперед с четверти на полчаса, с полчаса на без четверти, а с без четверти на десять, а с десяти минут на пять, а с пяти на четыре [...] (20-21).

Косте удалось перевернуть механизм часов – и он думает, что приобрел власть не над одними часами, а над временем:

Прокатились один за другим десять ударов: девять, назначенных Богом, и десятый Костин. ... Костя пел. Костя Клочков, знающий, как перевернуть мир, всемогущий Костя, в руках у которого само время. [...] Костя плюнул вниз на копошившийся, обманутый им город (21).

Костя мнит, что он стал близок Богу, стал его сподвижником, так как оказался способным отчасти овладеть только Богу подвластным временем. Но он ошибается – он только двинул механизм часов на час вперед; оставив время от Бога нетронутым, Костя заставил часы идти по его воле, показал, что тот, кто хочет, может попытаться активно влиять на то, как часы определяют время.

Костя сдвинул часы, но лишился разума. Временем он так и не овладел, но он стал неподвластным законам „нормальной” жизни. Его сумасшествие – это сумасшествие храбрых, сумасшествие человека, который не примирился с тем, с чем все остальные мирились. Костя недаром обращается к звездам, напоминая героя гаршинского *Красного цветка*³: „Звезды, примите меня! – крикнул он последним криком измученного сердца” (139). И подобно ему уходит и Костя из повседневного мира, взяв на себя всю тяжесть судьбы, освободив мир не только от зла, но от причины этого зла – от неподвластного человеку принципа, от источника человеческой предопределенности к смерти, когда „[...] уходил все дальше своею дорогой в свой новый дворец, храм и небеса, в свое царство безумия” (140).

Время в данном рассказе является опосредующей категорией, символом того, что владеет человеком. Самодовлеющая сила времени вбирает в себя все зло мира, концентрирующееся в образе смерти, потому что смерть становится барьером между человеком (и человечеством как одним целым) и его счастьем как категорией „живой жизни”. Никто из персонажей кроме Кости не способен изменить своей судьбы, все ее пассивно принимают и ожидают – даже уход из дома, из города ничего в их судьбе не меняет – ведь и Сергей возвращается, наконец, опять домой. Нелидову, который подчиняется времени, когда он торопится на поезд, отходящий, по его словам, через полчаса, Костя отвечает „Повинен смерти! [...]” (133), чем он подтверждает, что побеждено не время, а смерть.

³ „Звезды ласково мигали лучами, проникавшими до самого его сердца. – Я иду к вам, – прошептал он, глядя на небо” (В.М. Гаршин, *Красный цветок*, [в:] его же, *Сочинения: рассказы, очерки, письма*, Москва 1984, с. 204).

Воспринимаемое противоречие бесконечности времени и предопределенной законченности человеческой жизни – основная тема не только Костиных раздумий, но всей повести. Кругообразная структура текста, прежде всего частые повторы и лейтмотивы в нем, усиливает удручающее чувство довлеющей над человеком и человечеством власти смерти и связанной с ней судьбы, предопределяющей всю их жизнь. Напоминая *Жизнь Человека* Леонида Андреева, ремизовская повесть в своем значении все-таки оптимистичнее. Алексей Ремизов приводит на сцену героя, который пытается вырваться из начертанного круга судьбы. В подобном тексте, в *Крестовых сестрах* такого самоотверженного жеста не найти. Ремизовская повесть, таким образом, представляет собой одно из звеньев в русской литературе столь часто появляющейся тенденции ставить вопрос о возможности человека активно воспрепятствовать судьбе, стать активным создателем своей личной жизни.

В отличие от Катажины Кордас, проанализировавшей функцию снов в повести (исследователь правильно описывает значение линейного времени в повести как символа зла, но отчасти забывает о том, что злом не является по сути дела время как таковое, а ограниченность во времени человеческой жизни, угроза смерти, ставящая смысл жизни под вопрос), нам трудно согласиться с ее тезисом, что:

В образе Кости Клочкова отражаются опасения за судьбу человеческого рода, его беспомощность перед высшими силами. Видение Кости о захвате власти является в романе *Часы* выражением идеи смешения демонического и божественного. Божественное проявляется в стремлении делать добро, демоническое – в желании захватить принадлежащую Богу власть⁴.

Костя ведь немедленно возвращается с колокольни вниз, в „свой мир” и идет к Лидочке, он только приравняется к Богу в случае со временем, все остальное он не трогает – а ведь все остальное тоже от Бога. Он даже говорит, что „[...] черт мне не брат, [...]” (22). И в конце повести Костя „[...] послал воздушный поцелуй копошившемуся, освобожденному городу, затаил царскую песню освободителя” (132). Он думает, что освободил всех от самого страшного: „[...] я убил смерть с ее ужасом – отныне нет смерти”. Все остальное, что есть „от Бога”, он не трогает, причем в коротком моменте, когда обезумевший уже Костя возвеличивает себя до облика Бога по отношению к оборванцам: „Аз есмь Господь Бог твой!” (135), текст немедленно показывает Костю в ироническом виде – оборванец плюнул ему в лицо, сшиб с него

⁴ К.А. Кордас, *Поэтика снов в романе „Часы” Алексея Ремизова*, „Альманах современной науки и образования” 2015, № 8 (98), с. 74.

шапку. Да и сам Костя мнит себя масленичной каруселью, он представляет себя мчащимся в собор, загоревшим как семипудовая свеча, ставшим учителем и сыщиком в тот же момент (134-135). Приравнивая себя таким образом скорее к Иисусу Христу („... я взял на себя грех мира, ...”, 134), он все-таки несравним с Богом; намекая на врагов Иисуса Христа, он не враг Бога. И когда его с Богом сравнивает вдруг появившийся черт („[...] ты Костя Саваоф.” 140), то текст сейчас же указывает на иронию – черт не забывает ему напомнить о том, что у него все же остался нос кривой.

Костя как будто приближается не только к Иисусу Христу, но и к Фаусту, когда тот в разговоре с Мефистофелем обещает принадлежать ему, если он поможет ему освободиться от жажды, от поспешной гонки за будущим, за знанием и за наслаждением – в конце концов от времени:

[...] Werd ich zum Augenblicke sagen:
Verweile doch! du bist so schön!
Dann magst du mich in Fesseln schlagen,
Dann will ich gern zugrunde gehn!
Dann mag die Totenglocke schallen,
Dann bist du deines Dienstes frei,
Die Uhr mag stehn, der Zeiger fallen,
Es sei die Zeit für mich vorbei!⁵

Костя, как и Фауст, в момент победы над неизменностью хода времени чувствует, что он счастлив – он остановил ручку часов, „уничтожил время”, и – как и Фауст – попадает в власть Носатого. Его бытие среди других закончено, он попадает в другой, свой мир, в свой дворец. В мире, который он освободил, рядом с любимой Лидочкой, которую он отважился целовать, для него места больше нет. Он нашел отрезок времени, в котором, благодаря своему усилию, он стал счастливым – больше ему не нужно. Причем – в от-

⁵ J.W. Goethe, *Faust*, [в:] его же, *Faust. Der Tragödie erster und zweiter Teil. Urfaust*, München 1984, S. 57.

„[...] Когда воскликну я «Мгновенье,
Прекрасно ты, продлись, постой!» –
Тогда готовь мне цепь плененья,
Земля развернись подо мной!

Твою неволю разрешая,
Пусть смерти зов услышу я –

И станет стрелка часовая,
И время минет для меня”. (Перевод: Н. Холодковский)

И.В. Гете, *Фауст*, [online] <http://ogurcova-portal.com/wp-content/uploads/2013/10/Gete-Faust1.pdf> (10.10.2018).

личие от Фауста, которому помогает Мефистофель – Костя сам подготовил такой момент.

Насколько тут действует еще и третья линия вдохновения, ницшеанская, трудно судить – прямых индий в тексте повести, по-нашему, нет. Однако восстание человека против предначертанной Богом судьбы – это большая тема второй половины 19-го века и рубежа 19-20 веков.

Несомненно, по-нашему, то, что основная тема ремизовского произведения – это противопоставление активного Кости пассивным персонажам, которые его окружают. Ремизов – намеренно или ненамеренно – как будто прибегает к традиционному противоречию, в котором находятся греческие понятия (изображаемые иногда как божества) для времени: хронос (χρόνος) как все пожирающий господин линейного времени, с одной стороны, икайрос (καιρός) как промежуток времени пригодный для чего-то, с другой. Столкновение обычного, смертного человека с линейным временем представляется заранее осужденным на провал. Но поиски подходящего для успеха промежутка времени, как показано на примере Кости, имеют свой смысл, так как они включают активное отношение к самому себе, к жизни, но и к другим, так как Костина победа над линейным временем (χρόνος) приносит мнимое освобождение всем, создает условия для активной жизни, для активных поисков подходящих моментов, приносящих счастье, дающих надежду на него.

Библиография

- Гаршин В.М., *Сочинения: рассказы, очерки, письма*, Москва 1984.
 Гете И.В., *Фауст*, [online] <http://ogurcova-portal.com/wp-content/uploads/2013/10/Gete-Faust1.pdf> Кордас К.А., *Поэтика снов в романе „Часы” Алексея Ремизова*, „Альманах современной науки и образования” 2015, № 8 (98).
 Ремизов А.М., *Сочинения*, т. 2, Санкт-Петербург 1911.
 Goethe J.W., *Faust. Der Tragödie erster und zweiter Teil. Urfaust*, München 1984.

Информация об Авторе

Йосеф Догнал (Josef Dohnal) – профессор, кандидат филологических наук, Институт славистики Философского факультета Университета им. Масарика, Брно (Чешская Республика); профессор, Кафедра русистики Философского факультета Университета им. св. Кирилла и Мефодия, Трнава (Словацкая Республика).
 e-mail: jdohnal@phil.muni.cz
<https://orcid.org/0000-0002-0763-5784>

Utrwalone w świadomości Rosjan wyobrażenia o istocie czasu, odzwierciedlone w ich dziełach artystycznych, w myśli filozoficznej i teologicznej, w praktykach społecznych, rytuałach, mitach, w przeświadczeniach o naturze codzienności, stanowią materiał dla refleksji podjętej przez autorów tomu *Czas w kulturze rosyjskiej. Время в русской культуре*.

Rosyjskie doświadczanie i konceptualizowanie czasu analizowane jest z perspektywy kulturoznawstwa, filozofii, literaturoznawstwa, filmoznawstwa, językoznawstwa, folklorystyki, politologii i historii.

Rozważania o swoistym dla Rosjan odczuwaniu czasu, myśleniu o nim i jego wyobrażeniach, przedstawione zostały w rozdziałach poświęconych następującym zagadnieniom: czas w języku – język w czasie; sakralne i mitologiczne rytmy czasu; konceptualizacje czasu w rosyjskiej myśli teologicznej i filozoficznej; kulturoznawcze i historyczne ujęcia czasu; czas jako aspekt życia społecznego; temporalne aspekty literackiego obrazu świata.

W niniejszym tomie swoimi refleksjami dzielą się badacze reprezentujący uniwersytety i centra badawcze z siedmiu krajów.

